

свои хрупкие плечи, приходилось стоять на посту и у тяжёлых бомбардировщиков в постоянной готовности к боевой тревоге.

Читаешь эти строки воспоминаний и понимаешь: мы в неоплатном долгу перед тем поколением – и перед живыми, и перед ушедшими от нас.

Подвиги совершались женщинами – жительницами Камчатки и в тылу. Примером тому могут служить женские ловецкие бригады, организованные в годы войны на полуострове и выполняющие планы по вылову рыбы в тяжелейших условиях на 150–200 %!

Обратимся к публикации газеты «Камчатская правда» от 1942 г.: «Женская фронтовая бригада комсомолки т. Авериной выловила за путину 9 тысяч центнеров рыбы вместо 7 тысяч центнеров по плану. Члены бригады комсомолки Бабенкина, Бажаева, Коростылева, Кочеткова, Лисунова и бригадир Аверина хорошо освоили специальность рыбака» (7).

Учитывая призыв ко всем женщинам СССР овладеть мужскими профессиями, 23 июля 1941 г. в г. Петропавловске состоялось собрание женщин-домохозяек. Это собрание вынесло постановление, в котором говорилось: «В грозный час войны мы призываем женщин города Петропавловска и Камчатской области в совершенстве овладеть мужскими профессиями, чтобы в нужный момент занять место своих мужей и сыновей, отцов и братьев на производстве, на рыбокомбинатах, в сельском хозяйстве, чтобы своим трудом способствовать победе над врагом...» (3). Женщин призывали множить ряды доноров, выявлять и разоблачать шпионов, диверсантов, шептунов, болтунов и паникеров, учиться метко стрелять, оказывать раненым первую медицинскую помощь, организовывать кампанию по отправке посылок героическим бойцам Красной армии, а также сбор средств в железный фонд страны.

Практически сразу после начала войны на Камчатке развернулось движение гвардейцев тыла – *полгектарниц* – женщин-домохозяек, которые брали участки для выращивания на них высоких урожаев различных культур (6). Всё, что выращивалось на участках, сдавалось в фонд помощи фронту.

В Палане в июле 1942 г. создается женская бригада по пошиву одежды из оленьих шкур для бойцов Красной армии. Бригада отправила почти 500 теплых вещей на фронт и 800 в районы, освобожденные от оккупантов. Наши женщины обрабатывали рыбу, выращивали картофель, овощи, развивали животноводство молочного и мясного направлений. Это необходимо отметить особо, потому что по призыву партийных и советских организаций население области обязалось производить сельскохозяйственные продукты на месте, чтобы завоз с материка был минимальным (5).

2 июля 1941 г. газета «Камчатский колхозник» публикует обращение колхозниц сельскохозяйственной артели «Безбожник» Мильковского района ко всем женщинам и девушкам Камчатки: «Мы, девушки и женщины, колхозницы колхоза “Безбожник”, решили изучить трактор, готовимся стать трактористами. Это мы считаем необходимым, чтобы в случае, если нашим товарищам трактористам по зову Советского правительства придется идти на фронт, мы могли заменить их, могли бы выполнить план сельскохозяйственных работ, являющихся частью оборонной работы... Женщины, овладейте тракторами! Будьте готовы заменить мужей, братьев, товарищей!» (4).

Представительницы самых мирных профессий не остаются в стороне от общенародной беды. Врач больницы с. Эссо т. Смыкова пишет в райвоенкомат в 1941 г.: «Хочу быть там, где идут бои, чтобы принять непосредственное участие в борьбе с фашистами, оказать помощь и облегчить физические страдания наших раненых бойцов, защитников Родины, защитников свободы, всей нашей счастливой жизни» (3).

А разве вправе мы забыть о строительстве дороги в Петропавловске по склону Петровской сопки вдоль берега Култучного озера (теперь ул. Набережная), который круто обрывался в воду? В строительстве после окончания рабочего дня принимало участие всё население города, а после глобальной мобилизации мужчин уже в первые месяцы войны это были в основном женщины и дети. Землю копали кирками (кайлами), ломом и лопатами. Грунт отвозили на тачках по дорожкам из насланных досок. Важность стройки заключалась в том, что в случае налёта японской авиации было возможно разрушение узкой тогда Озерновской косы и населению города отрезался единственный путь на случай эвакуации (1, с. 8).

После объявления 9 августа 1945 г. войны Японии 12 августа 1945 г. ГВК Петропавловска-Камчатского одновременно мобилизует вольнонаёмными 226 жительниц города в состав Курильского десанта. Помимо них в состав десанта входят и женщины-служащие 301-го медсанбата, которые уже проходили службу к этому времени (9).

Среди вновь мобилизованных – Клавдия Ильинична Асламова, с 1937 г. работавшая в Камчатском обллите инспектором книготорговой и библиотечной сети. Вот её воспоминания: «Когда

война с Японией началась, меня снова призвали в армию и послали в десантную операцию на Курильские острова, где я приняла боевое крещение. Посадили нас в машины, меня, Наумову Тоню (медсестра 301-го медсанбата, мобилизована в 1942 г. – *И. К.*) и военного врача (фамилии уже не помню), много солдат и повезли на Судоремонт, где грузили военные грузы, солдат и матросов. Было очень грустно, тревожно. Когда стемнело, наши десантные корабли отправили в море. Прибыли к Курильским островам на рассвете. Начался бой. Впереди шедший, а затем и наш десантный корабль японцы пробиты, и они начали тонуть. Обрушилось море огня от снарядов и пуль на наш корабль. На корабле были убитые и раненые, мы оказывали помощь. Командир командовал выбрасывать весь груз в море, что матросы и делали, чтобы немного задержать корабль на воде и успеть высадить десант. После был приказ всем прыгать в воду и добираться до берега вплавь, хотя берег был очень далеко. Это был непередаваемый страх и ужас – холодное море, а над нашими головами сплошное море огня... На глазах убивало, ранило, матросы и солдаты шли ко дну. Очень много погибло. До берега доплыли с трудом. Кричат: “Вперёд!”. Но силы совершенно покинули... Так было несколько секунд или минут, времени никто не смотрел. Потом шли с боем вперёд, были убитые и раненые. Мы оказывали помощь, таскали на себе в менее простреливаемые места... А когда не было перевязывающего материала, я от раненых бойцов таскала ползком на линию огня патроны и гранаты. До тех пор, пока кто-то приносил с японских складов всё, что можно было использовать на перевязочный материал» (2, с. 435).

После заключения перемирия К. И. Асламова служила в медсанбате на Курильских островах, работала операционной сестрой. Оставалась на службе несмотря на опасность: на о. Самую, хотя войны уже и не было, в сопках продолжали сидеть и стрелять смертники. Награждена орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Японией».

Всего лишь несколько историй. Но за ними стоят тысячи женских судеб, опалённых войной. У войны не женское лицо? Посмотрите на орденские планки на груди маленьких хрупких женщин в День Победы и попробуйте представить, через что им пришлось пройти, чтобы хоть одна из медалей сияла сейчас на их военных гимнастёрках.

Я ПОМНЮ! Я ГОРЖУСЬ!

Р. С. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке материала начальнику отделения военного комиссариата Камчатского края по г. Петропавловску-Камчатскому Виктору Николаевичу Казарину и помощнику начальника отделения по ППП и ЧМР Марии Фёдоровне Романовой.

1. Бооль В. В. Камчатка в вопросах и ответах. Петропавловск-Камчатский : СЭТО-СТ, 2011. 54 с.
2. Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Сборник документов Государственного архива Камчатского края 1939–1945 гг. Петропавловск-Камчатский, 2010. 492 с.
3. Каченко Л. Камчатцы в годы Великой Отечественной войны // Ленинск. знамя. 1979. 9 мая.
4. Падекина А. Трудовой фронт Камчатки // Рыбак Камчатки. 2005. 22 июня.
5. Лычаков В. Все для фронта! Страницы истории // Камч. правда. 1989. 6 мая.
6. Разумовская Н. Камчатка в годы войны. О чём рассказывают документы // Камч. правда. 1974. 3 дек.
7. «И здесь, как на войне...»: Странички истории. «Камчатская правда» 1941–1945 годы // Камч. правда. 1972. 9 мая.
8. Яковлев П. 900 блокадных дней и ночей // Елиз. вестн. 2004. 30 янв.
9. Материалы из архива отдела военного комиссариата Камчатского края по г. Петропавловску-Камчатскому.
10. Книга Памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны. Петропавловск-Камчатский, 2008. 120 с.

Л. И. Лапшин ОБ ОТЦЕ И О ВОЙНЕ

Написать об отце я решился в канун 60-летия Победы над фашистской Германией. Вся жизнь отца была посвящена Красной и Советской армии. В годы учебы он определил для себя путь военного медика, и Великая Отечественная война была лишь кульминацией того, чем он занимался всю свою жизнь, – медицинским обеспечением армии.

У меня в руках нет никаких документов. Могу лишь поделиться тем, что сохранила моя память. С августа 1944 г. я волею судеб оказался в воинской части отца и период до конца войны и первых дней после Победы описываю как очевидец.

Итак, речь пойдет об отце, Иосифе Иосифовиче Лапшине (1903–1981), о моей жизни в эвакуации, о том, как я попал к отцу на фронт, и о моих впечатлениях того периода с элементами семейных преданий.

В мемуарах маршала Г. К. Жукова коротеньким абзацем упоминается, что накануне войны в Донбассе для армии готовилась госпитальная база. Объем этой работы маршал не уточняет, и, насколько мне известно, из-за секретности более подробно об этом нигде не писалось.

В феврале 1941 г. отец назначен начальником полевого эвакуационного пункта (ПЭП). Такой аббревиатурой обозначалась головная организация госпиталей армии. Но тот ПЭП, начальником которого стал отец, госпиталей не имел. Этому подразделению была поставлена задача на базе промышленности и людского персонала Донбасса к лету создать 150 госпиталей.

Работа была титаническая. За какие-то четыре месяца нужно было организовать 150 складов, на каждом из которых должна была быть собрана полностью материальная часть госпиталя. Контакт с промышленностью должен был обеспечивать производство и поступление матчасти на склады. По-видимому, нужно было обеспечивать и охрану этих складов. Одновременно шла работа с военкоматами. Готовился штат каждого госпиталя. Совместно с военкоматами укомплектовывалась и заполнялась подборка повесток на штат каждого госпиталя, и там уже обозначалось место сбора. Оставалось только проставить дату сбора и разослать повестки, и с этого момента госпиталь начинал свое реальное существование.

Студент мединститута весной 41-го года на экзаменах, возможно, переживал – сдаст ли он экзамены, не отчислят ли его из института, а он уже был записан хирургом полевого госпиталя номер такой-то. Многие хирурги, получившие огромный опыт за время войны, заканчивали мединституты уже после войны.

Дальнейшие события показали своевременность подготовки госпитальной базы Красной армии. Начало войны для отца не было неожиданностью, как и для тех, кто ему эту работу поручил. Я встретил войну в десятилетнем возрасте и хорошо помню, что еще в 40-м году, во время радиопередач о советско-германской дружбе, отец хмурился и почти зло говорил: «Все равно с ними воевать придется».

Работа по организации госпиталей, как и все, что касалось подготовки к войне, была строго засекречена. Именно поэтому сейчас трудно найти упоминания о ней. Для нашей же семьи с февраля месяца 41-го года наступили тяжелые дни. Отец исчезал на недели, а по возвращении не мог ничего сказать, кроме стандартной фразы: «Был в служебной командировке». Мать – пылкая эмоциональная женщина – бурно реагировала на постоянные необъяснимые отъезды. А отец, измотанный переездами по городам Донбасса, не мог отдохнуть и дома. Этот период печально отразился на нашей семье.

Создание госпитальной базы Красной армии в предвоенные месяцы требовало от руководителя незаурядных организационных и волевых способностей. Почему именно отец был назначен на эту работу? К ней вела цепь закономерностей и случайностей.

Кроме фотографий, я не располагаю никакими документами, касающимися биографии отца. Могу опираться только на семейные предания и то, что видел сам, соприкоснувшись с прифронтовой армейской жизнью. Часть повествования содержит эпизоды в эвакуации и историю, как я попал в действующую армию. Недавно прочитал, что если от событий не осталось чего-либо вещественного, а, главное, документов, то этого как бы и не было. А ведь то, что я видел, было.

Сельский паренек

Революция в семье моего деда была встречена с удовлетворением. Семья получила земельный надел. Дед – хороший плотник – срубил на участке просторную избу. Изба-хутор располагалась на живописном холме у ручья. И сейчас местные жители этот холм называют по имени деда Оськин Пуп. Бабушка предвоенные годы и коллективизацию характеризовала так: «Ленин дал нам землю, а Сталин ее отобрал».

В период гражданской войны и сразу после нее отец был активным комсомольцем. Главным руководителем комсомольной организации Кутузов. Внешне самым заметным его деянием было разрушение церквей. Он собственноручно сбрасывал с куполов кресты, и при этом кричал народу сверху: «Если есть бог – пусть он меня накажет!». И Бог чуть было не

наказал его руками моего отца. Кутузов, данной ему властью, отобрал в личное пользование лужок для покоса у нашей семьи. Сходство идейных платформ не помешало отцу воспользоваться справедливым гневом. Способ мести был выбран радикальный – отец залег с обрезом у мостика, через который Кутузов должен был возвращаться после партийного собрания. На счастье, партсобрание затянулось до кромешной темноты, да и Кутузов шел не один, а с другом моего отца – секретарем комсомольской организации. Вопрос о существовании Бога так и остался открытым.

С окончанием гражданской войны в селе появилась колоритная фигура. Один из местных жителей в гражданскую войну досрочно достиг звания комбрига. Воевал он успешно, но после окончания боев излишняя склонность к спиртному стала помехой для дальнейшей его службы в армии. От других селян он отличался широтой кругозора. Своего племянника – тоже друга отца – он поучал: «С крестьян как драли три шкуры во имя капитализма, так и будут драть шкуры во имя социализма. Но сейчас у молодежи есть возможность учиться. Уезжай из села, поступай на рабфак, а потом выбери любую специальность». Племяннику было боязно покинуть родные края: «Я поеду, если поедет Оська (мой отец был крещен Осипом)». Отец загорелся идеей. Бабушка была согласна. Однако дед воспротивился, сказал, что это все дурь, пора, мол, по-настоящему осваивать плотничье дело и с завтрашнего дня приступаем к выполнению заказа – будем ставить сруб.

Работу по затёске бревен дед распределил так. Отец, продвигаясь вдоль бревна вперед спиной, затесывает начерно, а дед, двигаясь следом таким же образом, затесывал набело. Дед, совершая более трудоемкую работу, продвинулся быстрее так, что при очередном взмахе отец кончиком топора зацепил ягодицу деда. Дед в ярости обернулся, замахнулся топором, а отец бросил свой топор и рванул домой. С порога закричал: «Мама, готовь котомку – я уезжаю на учебу». Пока дед дошкандыбал до дому, отец был уже на железнодорожном полустанке.

Период до Отечественной войны

К сожалению, не знаю, где отец учился на рабфаке, но, с его слов, учился он на одном рабфаке с будущим главным идеологом нашей страны Суловым. Там он из сельского парня Осипа превратился в Иосифа Иосифовича. По окончании рабфака поступил в военно-медицинскую академию в Ленинграде. В 1920-е гг. отец прослужил два года в частях особого назначения (ЧОН), созданных для борьбы с контрреволюцией.

После окончания академии отец служил в Томске, Сретенске (где родился я), Благовещенске, Раздольном, Чите, Улан-Уде. Мои первые детские воспоминания связаны с Николаевском-на-Амуре, где отец в чине военврача первого ранга (что соответствовало полковнику) был начальником военного госпиталя. С введением в армию четвертой шпалы практически все медики остались при трех шпалах – подполковниками.

Служба на Дальнем Востоке всегда была связана с напряжением, обусловленным угрозой японского нападения. У отца в библиотеке были книги с описанием структуры и вооружения японской армии. Атмосфера жизни сказывалась и на детях – наши военные детские игры всегда включали борьбу с японским вторжением. Помню, как временами мне казалось, что из-за Амура с сопкой за нами наблюдают японцы. Если знать, какое давление оказывала Япония на нашу страну в предвоенные годы, становится более понятным объявление ей войны в 1945 г.

Когда мне было пять лет, наша семья переехала из военного городка в дом на углу улиц Пушкина и Гоголя ближе к центру Николаевска. Моими друзьями надолго стали одноклассники из соседних домов Коля Кривошеев и Гена Саломатин. Желание быть похожими на военных проявилось в моих слезах по поводу пошитого мне серого костюмчика вместо обещанного «военного» зеленого. Но на настоящих военных я и мои друзья стали похожи, когда из хрома, найденного мной в шкафу, мы нарезали пояса и портупеи. В таком виде мы гордо маршировали по улице. Колин отец подошел к нам, осмотрел амуницию и сказал, обращаясь ко мне: «Ну и влетит же тебе, парень!».

Он ошибся – о коже никто и не вспомнил. После ареста моего отца было не до этого.

Местный колорит сказался и на аресте моего отца в 1937 г. – он был обвинен в шпионаже в пользу Японии. Однажды ночью я проснулся от громких причитаний бабушки. Она только недавно приехала к нам. В дверях стоял военный с винтовкой с примкнутым штыком. В квартире находилось еще несколько военных. Я спросил у мамы: «Почему бабушка плачет?». Мама ответила: «Папа уезжает в командировку». – «Глупая, он же скоро вернется», – и снова уснул. Шли неделя за неделей, а папа из командировки не возвращался. Что-то я начал понимать с момента, когда мой дружок по улице спросил у меня: «А что, твой отец – враг народа?». Некоторые знакомые перестали меня узнавать. А в сентябре 1938 г., когда я уже пошел в первый класс, мама получила повестку,

предписывающую покинуть город в 24 часа. Нужно было попасть на первый же пароход – они отходили на Хабаровск раз в день. Сборы выглядели так: мама бросала на пол простынь или покрывало, бросала в центр вещи и завязывала узлом углы. Мне казалось, что так люди и собираются в дорогу при переезде.

В тот год я уже не учился.

Но еще до отъезда из Николаевска-на-Амуре летом 1938 г. мне довелось увидеть маршала Блюхера. Он выступал в городском летнем театре на митинге, посвященном, насколько я представляю, предстоящим выборам. Театр был переполнен. Мы, трое мальчишек друзей-соседей, довольствовались местами на заборе. Ни слова из сказанного я не помню, но запечатлелась кряжистая фигура маршала – он был низкорослым, но очень широкоплечим. Для нашей семьи визит маршала, как я позднее узнал от матери, отозвался тем, что в тюрьме в продуктовых передачах для отца перестали принимать сливочное масло.

Аресты создавали напряженную атмосферу. В нашем тихом захолустном городе конвоируемых можно было видеть чаще, чем автомашины. Однажды, как рассказывал отец, и его конвоировали мимо нашего дома, и он видел, как я играю во дворе.

До пяти лет, пока мы жили в военном городке, я ходил в детский сад. Имен и фамилий детей я не помню за исключением Милы Миловановой. Во-первых, это звучало как-то музыкально, а с другой стороны, эта девочка сама выделяла меня среди ребят. В 37-м ее отца, полковника, пришли забирать не ночью, как обычно, а утром, когда он уже брился. Аресту он предпочел смерть – вскрыл сонную артерию.

Сведения о матери, что она жена врага народа, по-видимому, опережали ее появление, и ей с трудом удалось устроиться врачом в детский лесной санаторий в семи километрах от Калуги.

Туда же к лету 1939 г. прибыл отец. Для вступления в должность Лаврентию Павловичу нужно было показать, что Ежов совершал ошибки и арестовывал настоящих коммунистов. На счастье, отец проявил характер и за два года пыток ни в чем не признался и ничего не подписал. Он был восстановлен в звании и в партии. Время отсидки было включено в стаж службы, и за эти два года он получил зарплату. Единственное условие, которое было ему поставлено, – нигде, никогда не упоминать, что он был арестован. Иногда я думаю – счастье, что обвинение было столь нелепым. А ведь если бы донос был, что отец троцкист, судьба семьи могла быть более трагичной.

Эти события не помешали отцу до конца жизни оставаться убежденным коммунистом.

Новое назначение отца – начальник госпиталя в военном городке Бабстово в Еврейской автономной области. Снова потенциальный противник – японцы. Нас, мальчишек, больше всего интересовало стрельбище. Мы пробирались туда в поисках гильз и пуль. Находили и пули с округлыми головками от японских арисак. Краем уха я слышал, что на стрельбище отрабатывалась пулеметная стрельба по мишеням на расстояние до одного километра.

Вскоре отца направляют работать начальником госпиталя на финский фронт. Война, начатая с целью занятия Финляндии, что должно было улучшить на западных границах наше стратегическое положение перед надвигающейся войной, не принесла славы Красной армии, но способствовала устранению ряда недостатков в ее организации. Через госпитали проходила масса обмороженных красноармейцев. К началу Отечественной войны кое-что было исправлено, в том числе и положение с обмундированием.

По окончании, как тогда говорилось, «финской кампании» отец снова попадает в военно-медицинскую академию на курсы усовершенствования. Наша семья переезжает в Ленинград. Снимали комнату мы в так называемом Доме специалистов – сейчас во дворе этого дома выросла станция метро «Кантемировская». Квартира, в которой мы снимали комнату, находилась под квартирой легендарного капитана «Челюскина» Воронина. Самого капитана я так и не увидел, а его сыновьям Пете и Осе был компаньоном по детским играм во дворе.

Семьей с экскурсией мы посетили Петропавловскую крепость. В конце экскурсии группа зашла в казематы и экскурсовод начал рассказывать, как тяжело здесь приходилось революционерам. Отец решительно сказал: «Идем отсюда!». Лицо отца было в смятении – таким я его не видел никогда. «Вот вырастешь, я тебе расскажу...». Но своего обещания он так и не выполнил. Самое большее, что он произносил с улыбкой: «Я закончил две академии – военно-медицинскую и ежовскую». То, что было с ним в тюрьме, я узнал через вторые руки. В конце 1940 г. отцу, как прослужившему на Дальнем Востоке 11 лет, предложили службу в одном из трех городов в европейской части Союза. Отец выбрал Артемовск на Донбассе, куда и был назначен начальником госпиталя. То, что отец уже начал работать на территории Донбасса, его стаж работы начальником госпиталя и опыт

финской войны обусловили то, что ему был поручен важный участок работы, связанный с медицинским обеспечением предстоящей войны.

Первый день войны

В начале июня 1941 г. родители отправили меня в пионерский лагерь, расположенный где-то вблизи Днепра, хотя самого Днепра я так и не увидел. Весной мне исполнилось десять лет, и я окончил в Артемовске второй класс. Лагерь был большой. Организация быта была отличной. Единственное, что администрация лагеря не могла твердо решить, когда мы должны чистить зубы – утром или вечером. Для себя я ощущал пребывание в лагере неполноценным из-за запрета купаться в ближайшей речушке.

Июнь того года выдался на Украине прохладным. Почти каждый день наш отряд под руководством вожатой направлялся к реке. Вожатая опускала термометр в воду и каждый раз объявляла: «Температура воды слишком низкая – купаться нельзя».

С этими вылазками к реке связан эпизод, вызвавший шок в нашем отряде. Однажды, когда мы возвращались после очередной неудачи у реки, вожатая предложила нам идейное занятие. Мы направились в ближайший лес, набрали там мох и этим мхом на склоне балки с поросшими травой склонами, выложили слово «Сталин» метровыми буквами.

При очередном походе к реке, когда мы подошли к нашей балке, на склоне вместо нашего увидели другое, похабное, слово. Буквы были еще большего размера, так как весь наш мох ушел на три буквы.

Интересна реакция участников нашего похода. Вожатая произнесла только: «Ребята, возвращаемся в лагерь». В лагерь шли молча, не оглядываясь, потрясенные увиденным святотатством. Я и сейчас не знаю – было ли это простое хулиганство местной пацанвы или проявление «анти».

Погожий день 22 июня начался как обычно. Но после завтрака к отрядам не явились вожатые. Масса ребят оказались предоставленными самим себе. Где-то вдалеке иногда пробегали взрослые с озабоченными лицами. Странно, но ребята и без вожатых вели себя тихо. Царило какое-то настороженное ожидание. Наконец по лагерной радиосети поступило указание к 12 часам собраться всем в Зеленом театре. Дети расселись по скамейкам, но к нам так никто и не вышел. Подошло время обеда и прозвучала новая команда – идти на обед. И только в три часа нам объявили, что началась война.

Хотя мы были наслышаны, что Красная армия всех сильнее, холодок в груди почувствовал каждый из присутствующих. Ведь было ясно, что напали немцы не для того, чтобы проиграть войну. Настроение даже у самых маленьких было тревожное. Максимальный пик обсуждения случившегося пришелся на утреннюю линейку 23 июня. После построения взрослые опять несколько замешкались. В возникшей дискуссии ребята постановили: неизбежен союз между Советским Союзом, Англией и Америкой. А раз так – Советский Союз с самой сильной армией, Англия с самым сильным флотом и Америка с самой сильной промышленностью все равно победят Германию. Возможно, это был первый проект антигитлеровской коалиции.

Эвакуация

Сослуживец отца спешно вывез меня из пионерского лагеря. Сам отец приехать не смог. Летние месяцы в Артемовске прошли для меня как-то невыразительно, буднично, омрачаясь только плохими новостями с фронтов. Почему-то запомнилась газета, в которой утверждалось, что враг никогда не сможет прорваться через Днепр.

Может быть, это было связано с началом войны, но в нашем дворе был заселен дом с крупными недоделками. Не на всех балконах были установлены перила. Молодая бабушка ушла в парикмахерскую, подперев через окно балконную дверь ящиком. Мальчик четырех лет открыл дверь и упал с четвертого этажа. Упал на рыхлую землю у канавы. Отделался счастливо – даже без ушибов.

Приметой войны стал рост цен. Пока еще небольшой. Запомнилась сцена – пожилой гражданин ведет в милицию плачущую девочку лет девяти с мешочком семечек. Гражданин громко возмущался, что спекулянты вместо обычных десяти копеек за стакан семечек запрашивают пятнадцать.

В сентябре стало ясно, что необходимо эвакуироваться. Мама как врач была приписана к одному из тыловых госпиталей. Госпиталь организовался в Сталино (Донецке). Там же формировался состав из товарных вагонов для отправки госпиталя на восток. Погрузка шла спокойно, без суеты. Сотрудники выезжали семьями со всем скарбом, исключая, конечно, брошенную мебель.

Как рассказывал позднее отец, к нашему составу был прицеплен вагон с мукой. Правда, нашей семье это не принесло никакой пользы.

В Сталино до отхода эшелона наша семья жила в квартире начальника нашего госпиталя Жаслина. На тот момент он был подчиненным отца. В этой семье была домработница, которая для дочери хозяев ежедневно готовила смесь меда, сливочного масла и какао. Мне эта смесь не предлагалась, но я сам попробовал ее. Вкус был обворожительный. Вероятно, к этому времени уже накапливался дефицит в питании. Я попробовал еще и еще немножко. Появление воришки в доме было замечено, и больше это чудесное блюдо не появлялось открыто.

Над городом постоянно на большой высоте висел самолет-разведчик. Самого самолета я разглядеть не мог, но его примерное положение обозначали разрывы зенитных снарядов.

Первоначально предполагалось развернуть госпиталь в Новошахтинске. Начальник госпиталя начал уже подыскивать здание для развертывания там госпиталя, но события разворачивались стремительно. Госпиталь из тылового мог стать уже прифронтовым. И мы покатали на восток. Медленно, с остановками. Поступало сообщение, что разбомбили станцию, которую мы только что проехали. Потом стояли, так как разбомбили состав впереди нас. А когда проезжали это место, под откосом лежали обгоревшие остовы товарных вагонов. На одной из стоянок над нашим эшелоном на бреющем полете пронеслись два мессершмидта.

В своем продвижении на восток эшелон докатил до Новосибирска, оттуда снова двинулся на запад к месту окончательного развертывания в Кирове.

Жизнь в эвакуации

Местные власти выделили нам двухэтажный дом довольно старой постройки по ул. Комсомольской вблизи городского театра. В этом доме и разместилась большая часть сотрудников госпиталя. Жили тесновато, особенно в первое время. В комнате площадью в 20 кв. м вначале жили две семьи – 7 человек.

Из разговоров первых дней: «Какой ужас! Здесь картошка четыре рубля килограмм» и через неделю: «Какой ужас! Картошка стоит уже восемь». Цены росли и дальше – это стало привычным, и слово «ужас» к ценам уже не применялось.

До войны я не любил какао и шоколад. Когда мы уезжали из Ленинграда в Артемовск, отец купил мне коробку шоколада. В ней на каждой обертке плотно уложенных плиток был один из видов Ленинграда. Я почал одну плитку, и коробка пролежала в забвении до эвакуации. В Кирове, разбирая привезенные вещи, мы наткнулись на эту коробку. Шоколад я съел за полтора дня. И потом долго жалел, что не съедал в день по плитке.

Что все старались не пропустить – это сводки Информбюро. Я постоянно отмечал на карте линию фронта, а она, мягко говоря, не давала повода для радости. И, наконец, удар по немцам под Москвой, вызвавший восторг, вселил надежду, что победа все же будет за нами.

Кстати, линия фронта после этого наступления стабилизировалась менее чем в километре от родного села отца – Дунилово – это в тринадцать километрах севернее Ржева. Наш правый фланг продвинулся на запад дальше остальных участков, так что фронт простирался в широтном направлении. Войска, наступавшие севернее, продвинулись на запад от Ржева более чем на 200 км и взяли Великие Луки, находящиеся на одной широте Ржевом. Бои за Ржев были очень кровопролитными, но линия фронта здесь оставалась практически неизменной более года. О характере боев на этом участке можно судить по обелиску в с. Глебово – соседу Дунилово. На обелиске высечено: «Здесь покоятся воины...», и далее идут не фамилии, как обычно на памятниках, а перечисляются 22 дивизии и бригады. Между сёлами Дунилово и Глебово находится с. Карпово, в котором жила моя двоюродная сестра Зоя, дочь Петра. После начала нашего наступления под Москвой в их село прибыл отряд вермахта. Офицер собрал на сходку жителей села и предупредил, что здесь будут бои и жителям следует село покинуть. Причём предоставил право идти либо в тыл к немцам, либо навстречу наступающей Красной армии. Селяне какое-то время обсуждали ситуацию: большинство было за то, чтобы идти на восток, но побаивались, не начнут ли немцы стрелять в спину. В итоге шесть семейств отправились к родственникам, которые жили западнее, а основная масса пошла на восток. Какое-то время Зоя с матерью существовали без крова подавляющими, пока не осели в Кольчугино.

Моя жизнь в Кирове с осени 41-го по июнь 44-го с одной стороны протекала буднично, а с другой – видны большие отличия от современной. Дети той поры были более общительными и легче находили контакт друг с другом, чем сейчас. Обычно в игру вовлекались дети всего двора, иногда с

большим возрастным разбросом. Часто играли в прятки, салки, войну. Распространенной была игра «в битую». Участники игры выставляли в стопку по монете на черту. И нужно было с определённого расстояния бросить битую – свинцовую или петровский пятак – как можно ближе к черте или попасть в стопку монеток на черте. Очередность определялась меткостью броска. Ведущий бросал битую ребром по монетам. Перевернувшиеся монеты становились его собственностью и обеспечивали очередной бросок. Мой друг Юра открыл мне свою тайну. Забравшись по уступам в стене к перекрытию между этажами, он достал мешочек с выигранными монетками – их там было на двадцать девять рублей.

Обычной картинкой для города был бегущий мальчишка, кативший перед собой весело дребезжавшее железное колесо приспособлением, напоминавшим фигурную кочергу. Игрой той поры была и «жошка». Небольшую пластиночку свинца с прикрепленным к ней кусочком меха ударами внутренней стороны стопы нужно было удерживать в полете. Если мой «рекорд» составлял около десяти ударов, то были виртуозы, ухитрявшиеся удерживать в полёте жошку, подбивая её десятки и даже сотни раз.

Были занятия и игры, которые бы взрослые не одобрили. Например, завезли к нам во двор массивные деревянные качели на полукруглых полозьях. Вскоре мы изобрели новую игру. Сооружение устанавливалось вертикально, затем одновременно с толчком нужно было вскочить в центр качели, а оттуда проскользнуть на землю под опускающееся противоположное сиденье. Затем надо было руками добавить качели движения, чтобы она замерла вертикально на другой стороне. Замешкавшись, можно было получить травму, наши качели были уж очень массивными. Но, слава Богу, все обошлось.

Пускали и папиросу по кругу, но, в отличие от современных школьников, у нас во дворе настоящему не курили даже старшеклассники.

Вечна тяга ребят всех времен и народов к оружию. Мы ходили за много километров от дома на железнодорожные пути, где стужался на переплавку металлолом. Там были образцы немецкой и нашей техники. Я там нашел обгоревший немецкий штык и немецкую каску. Мой старший друг Лев Толстов из обгоревшей и покореженной винтовки сделал обрез, и мы стреляли во дворе. То, что на пятнадцать метров пуля ложилась в мишень плашмя, было уже мелочью.

Существовал определенный дворовый кодекс чести. Были ситуации, когда ты, чтобы не потерять лицо, был обязан вызвать обидчика на драку. Это называлось «покошаться». Много в детстве разъезжал по стране, но такого термина, кроме г. Кирова, больше не слышал. Дрались до первой крови или слез.

Но, кроме игр и забав, были попытки, правда малопродуктивные, пополнить семейный рацион. С весны 42-го года в нашей семье не переводился как чайная заварка липовый цвет – огромная красивая липа росла прямо во дворе. Собирали я на питание желуди. Из них делали лепешки отвратительного вкуса. Лишь после войны я узнал, что желуди могут быть съедобными только после многократного вымачивания. Успешнее желуди заменяли кофе. Бывало, в доме появлялось и такое блюдо, которое я уже не мог впихнуть в себя: картофельные очистки, жареные на рыбьем жире.

Ходили ребята нашего двора и за грибами. Наше «грибное место» находилось в пятнадцати километрах от города. Такой переход, поиски и возвращение занимали много времени. Возвращались уже по темноте, еле волоча ноги.

Попытки ловить рыбу в Вятке показали, что рыбак я никудышный, но бывало, что варили ракушки у реки.

Выше упомянул, что к городу подвозился металлолом – в городе работала оборонная промышленность. В военное время подробности не разглашались, но САУ-76 появлялись на улицах города с завидной регулярностью. А по рисункам отверстий на ажурных остатках от стальных листов, прошедших штамповку, угадывались рычажки к гранатам Ф-1.

Возможно, в окрестностях Кирова готовили лётчиков. Я с двумя мальчиками нашего двора как-то ушел довольно далеко от города. Неожиданно для нас на поле садится самолёт. Мы бросились к нему. Это был одноместный истребитель. Из кабины поднялся лётчик – молодой парнишка – сошёл бы за старшеклассника. Выглядел он радостно-возбуждённым. Пилот попросил нас помочь ему развернуть самолёт на 180 градусов и взлетел. Осталось впечатление, что и садился он самовольно.

Хорошо запомнилось и что-то вкусное на фоне обычного скудного однообразия пищи. Вечером 7 ноября я пришел домой и увидел на столе буханку белого хлеба – маме выдали в госпитале по случаю праздника. Уже более года я не видел белого хлеба. Отрезал кусочек. По современным меркам вряд ли он был оценен как деликатес – мякиш был плотноватым и синеватым, да и песчинки

похрустывали на зубах. Но тогда хлеб был очень вкусным. Я отрезал кусочек за кусочком, пока не оказалось, что осталось меньше половины. Мне было неловко – ведь это было праздничное блюдо для троих.

Самая разнообразная трапеза за все время эвакуации пришлась на летний день 44-го, когда маме в госпитале выдали дневной рацион американского солдата, запаянный в жестяную банку.

Трудовой фронт

Когда я заканчивал четвертый класс, а мне тогда исполнилось двенадцать лет, в школе появилось объявление о том, что желающие во время каникул работать на торфоразработках должны записаться в учительской. Особых планов на каникулы у меня не было, и я загорелся идеей поехать на работу, о чем сообщил дома. Мама сходила в школу и выяснила, что из добровольцев я самый младший. Учеников ниже седьмого класса в отряде нет. Но, учитывая мое непреклонное желание поехать и анонсируемый заработок в виде хлеба, на семейно-учительском совете было решено, что я поеду с бабушкой. Меня, конечно, такое решение оскорбило, но, как показало дальнейшее, это было мудрое решение. Группа подобралась доброжелательная, преобладали девочки. Необычное сочетание ученика и его бабушки породило песенку: «Жил-был у бабушки черненький Лёва...».

Чтобы было понятно, чем мы занимались, нужно рассказать о технологии производства топлива из торфа. Пласт естественного торфа размывается мощной струей воды. Получившаяся жижа по трубам разливается на поля, где подсыхает до состояния очень густого теста. Самый тяжелый, первый этап работы – резку большой тяпкой насыщенного влагой пласта на кирпичики раза в полтора тяжелее обычных, с переворотом этих кирпичиков – выполняли молодые крестьянки, привыкшие к работе.

В нашу задачу входило перекалывание этих, вначале легко разваливающихся, кирпичиков так, чтобы обеспечить максимальное просыхание. Это были последовательные три конструкции, в последней из которых – ажурной круговой башенке – торф просыхал окончательно и затем отправлялся на предприятие, на котором прессовались торфяные брикеты.

В первый день мы с жаром взялись за работу. Сразу же выяснилось, что не зря со мной поехала бабушка. Хоть немного, но я отставал от всех. Бабушка, привычная к крестьянскому труду, опережала всех и, закончив свой ряд, помогала закончить мой. Когда в конце рабочего дня подошел бригадир – шестнадцатилетний паренек и стал уголковою конструкцией измерять объем выполненной работы, мы оживленно прикидывали, на сколько процентов мы перевыполнили план.

Перевыполнение плана было архиважно потому, что каждый процент перевыполнения давал прогрессивное увеличение заработанного хлеба по окончании работ. Недовыполнение плана практически не давало никакого заработка, обеспечивая лишь ежедневное питание. Результат обмера объема работы первого дня поверг нас всех в шок. Оказалось, что мы выполнили 68 % плана. Ведь мы старались изо всех сил, и 100 % показали нам недостижимой планкой. Тем не менее, через два-три дня мы перескочили этот рубеж, и перевыполнение на 1–2 % стало обычным.

Питание было достаточно сытным, но очень однообразным. Гороховый суп и перловая каша сменялись перловым супом и гороховой кашей. Донимали нас полчища блох. Тяжелая работа заставляла считать нас оставшиеся дни оговоренного двухнедельного срока на торфоразработках.

Когда же двухнедельный срок истек, учеников построили и объявили, что мы остаемся на работах еще на две недели. И, кроме того, учитывая пораженческие настроения в нашей массе, нам сообщили, что беглецов будут возвращать обратно патрули.

Несмотря на категоричные предупреждения, два мальчика из нашего отряда решили уйти. И они спокойно получили свой заработанный хлеб.

Проработали мы еще две недели, и опять нам объявляют, что наши работы продолжатся еще на такой же срок. Тут уже я заявил бабушке, что больше не могу. Бабушка еще пыталась меня уговорить остаться до конца – хлебный заработок был очень кстати. Но я действительно чувствовал, что больше не могу. Решили уйти рано утром в понедельник, а воскресенье использовать на сбор клюквы на соседнем болоте.

Уходили с торфоразработок в предрассветный туман – я с рюкзачком клюквы и бабушка с рюкзачком хлеба.

Но наши испытания не закончились. На торфоразработки мы заезжали окружным путем. Сначала ехали поездом до Слободского и далее шли пешком. А возвращались прямым путем – тропами через леса. Предстояло пройти более 30 км. Дорогу мы не знали совсем, прикидывая лишь общее направление. На счастье, нашлась попутчица, молодая энергичная женщина, которая очень

спешила в Киров. Помощь ведущей обошлась нам дорого. Мы, более хилые физически, да еще с рюкзаками за спиной, изо всех сил старались не отстать от нашей попутчицы. На середине пути нашу путеводную звезду не удовлетворило снижение темпа нашего хода, и она убежала вперед. Теперь мы могли идти помедленнее, но силы уже иссякли. Вышли из леса. Вдали на высоком противоположном берегу хорошо был виден город. Последние километры до реки давались с неимоверным трудом – казалось, мы идем, а город отодвигается от нас. Когда мы дошли до берега Вятки, я сказал, что больше не могу нести свой рюкзак. Бабушка уговаривала, мол, немного осталось – каких-нибудь пять кварталов. Но у меня сил уже не было. Бабушка взвалила на себя второй рюкзак, и мы долго-долго тащились через город. А потом три дня пластом лежали в своих постелях.

Когда через две недели в город вернулась основная группа, оказалось, что мы ещё заработали кусок плотной хлопчатобумажной ткани типа «чертовой кожи».

В. З. Михайлова УХОДИЛИ МИЛЬКОВЧАНЕ НА ВОЙНУ...

На рассвете, когда люди ещё спали
И звенела всюду тишина,
Немцев полчища на нас напали.
Диктор строго объявил: «Война!»...

Война. Это страшное известие в Мильково принял ночью работавший тогда на почте 19-летний Феодосий Бобряков. Он сразу же позвонил секретарю РКП(б), председателю РИК и начальнику почты. Молодому человеку был дан строгий приказ – никому не говорить об этом сообщении. Феодосий Македонич рассказывал, как он «мучился – ведь очень трудно было держать в тайне такую новость. И молчал – а иначе ждало строгое по тем временам наказание».

Секретарь райкома срочно собрал закрытое партийное собрание, на котором зачитал обращение т. Сталина к народу. По окончании собрания нескольким членам райкома было поручено в этот же день выехать в сёла для ознакомления с обращением т. Сталина и выработанным постановлением о работе района на ближайшее время.

В полдень в Милькове прошёл митинг. Он не был долгим и многословным. Люди прекрасно понимали – нужны другие действия – нужен ударный труд.

В Милькове райвоенкомат начал свою работу только в 1945 г. Призыв в РККА осуществлялся в основном через военкоматы Усть-Камчатска и реже – Петропавловска-Камчатского. Сразу же после митинга началась запись мужчин призывного возраста и добровольцев. А на следующее утро, ближе к полудню, у почты собралось почти всё население, чтобы проводить новобранцев на войну. На подводы были погружены винчестеры, тозовки, вещмешки с вещами и продуктами. Небольшой отряд двинулся в путь. Шли молча. Мильково на какое-то время погрузилось в тишину. Слышалось только шарканье сапог. Так дошли до первых домов улицы. Очевидцы первых проводов вспоминают:

«Впереди шли призывники. Рядом пристроились родители, жёны, дети. Затем шёл обоз из двух телег. Замыкали шествие... коровы. Как они появились здесь, никто потом объяснить не мог. А ведь в Милькове строго следили за выпасом – было сделано специальное ограждение, чтобы коровы не гуляли по селу.

Дошли до начала улицы Долгой и тут началось... Разом заговорили, запричитали. Кто-то, было, принялся голосить, но их быстро утулкали. А, главное, форменно заревели коровы, словно чувствовали, что кто-то из бойцов уже никогда не вернётся назад. Было даже жутковато».

Призывники добирались до Кирганика, чтобы на катере плыть до Усть-Камчатска.

Реже призыв в РККА шёл через Петропавловский военкомат, куда призывники добирались 2–3 недели. В весенне-осеннее время на ночлег останавливались у речки, чтобы к ужину или завтраку поймать свежую рыбку.

В зимнее время на призывные пункты или шли на лыжах, или ехали на собачьих упряжках. Было несколько случаев, когда молодые люди погибали. Уставшие после дневного перехода, сытно поев, ложились отдыхать. Дежурные должны были поддерживать костёр всю ночь, но не выдерживали. Усталость брала своё – засыпали. Костёр прогорал, тепла не доставало и кто-то замерзал...

Вот так мильковчане уходили на войну.